

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
И НОВОГОДНИЕ
РАССКАЗЫ

Антон Павлович Чехов
Леонид Николаевич Андреев
Александр Александрович Бестужев-
Марлинский
Леонид Федорович Черский
Николай Васильевич Гоголь
Александр Александрович Федоров-
Давыдов
Владимир Фёдорович Одоевский
Николай Алексеевич Полевой
Михаил Николаевич Загоскин
Саша Чёрный
Александр Иванович Куприн
Николай Семёнович Лесков
Константин Михайлович Станюкович
Рождественские и
новогодние рассказы
Серия «Мировая классика (АСТ)»

Аннотация

Новый год и Рождество – самое волшебное время в году. В эти дни мы можем насладиться своими любимыми делами, в том числе чтением.

Трогательные, мистические и поучительные рождественские истории ждут читателей на страницах этой книги.

В этой книге собраны классические произведения, которые настроят читателя на праздничный лад.

Книга имеют тематическое оформление в блоке, а также тиснение на обложке, что придаёт изданию подарочный вид.

Содержание

Леонид Федорович Черский	6
Старый учитель. Новогодний рассказ	6
Антон Павлович Чехов	10
Новогодние великомученики	10
Новогодняя повинность	14
Саша Черный	20
Рождественский ангел	20
Александр Федоров-Давыдов	26
Хаврошина елка. Святочный рассказ	26
Владимир Федорович Одоевский	33
Новый год (Из записок ленивца)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рождественские и новогодние рассказы

© Издательский дом «Проф-Пресс», 2026

* * *

Леонид Федорович Черский

Старый учитель. Новогодний рассказ

Николай Петрович Ланин сидел в небольшой комнате, служившей ему и кабинетом, и спальней. В комнате весело горели дрова, а за окном порывисто дул холодный ветер.

Сегодня Новый год – в этот день люди обыкновенно как-то особенно веселы, жизнерадостны, полны надежд на лучшее будущее. Но Николай Петрович грустит. Он вспоминает былые годы, когда он был еще учителем гимназии и когда жила его супруга. Первого января Николая Петровича навещали всегда его ученики, поздравляли его с Новым годом, и он с женою проводил этот день интересно и уютно.

Теперь не то. Принужденный болезнью, Николай Петрович рано вышел в отставку и покинул любимую гимназию; жена его умерла – и старый учитель остался один со своею дочкою.

Всю силу своей любви перенес отец на ее милую детскую головку. Он вырастил малютку, берег и лелеял ее, как дорогой цветок. Она была такая слабая, бледная, вся в мать, и старик больше всего боялся, что и Катюша (так называл он свою дочь) последует за нею.

Но девочка осталась жить и к семнадцати годам преврати-

лась в красивую девушку. Не долго пробыла она в доме отца. Их сосед по квартире, молодой доктор, сделал ей предложение, и она, с согласия отца, вышла за него замуж. Молодые поселились поблизости, и дочь почти каждый день заходила к отцу.

Не забыла она, конечно, старика и в этот день. Рано утром в передней позвонили, и через минуту Ланин услышал в гостиной торопливые шаги и молодой звонкий голос.

– Это я, папочка!.. Поздравляю тебя с Новым годом! Желаю здоровья... Да что это с тобой? Отчего ты такой грустный? – заметила она.

– Нет, ничего, Катя! С чего ты взяла? Я такой же, как всегда.

– Вот уж нет!.. Я никогда не видела тебя таким печальным!.. А, знаю, догадываюсь, отчего ты такой... Ты, наверное, вспоминаешь, как прежде в Новый год тебя посещали твои ученики, и думаешь, что они тебя забыли. Это неправда, милый папочка! Еще на днях, в доме одних знакомых, я встретила некоторых из них... Они только и говорили, что о тебе... Вспоминали, как ты был к ним всегда добр и снисходителен, как старался защищать их перед советом, как помогал самым бедным из них!.. И все они тебя любят, помнят... Я хорошо это знаю, папочка!

– Да я вовсе не грущу, Катюша! Ты со мною – и мне весело...

– Ну так я останусь у тебя на целый день, если тебе со

мною весело! Вот сейчас мы попьем чайку. Я тебе и печенье принесла. Сама делала. Скоро явится и муж! Он здесь близко, у одного пациента.

К двенадцати часам скромную квартиру Николая Петровича посетили кое-кто из знакомых и несколько старых товарищей. А к завтраку пришел и зять. Они все сидели за столом, когда вдруг раздался звонок в передней.

– Я открою, папа, – сказала Катя и побежала в переднюю. Вскоре оттуда послышался ее голос:

– Папочка, к тебе гости!

Сердце старого учителя радостно встрепенулось. Он встал и вышел навстречу гостям.

В передней толпилось несколько бывших учеников Ланина. Теперь это были уже студенты; но он их сразу узнал.

– Ах, Сергеев, Леонтьев, Шубин, Сомов! – радостно воскликнул Николай Петрович, пожимая руки посетителям.

Из их толпы выделился один и взволнованным голосом заговорил:

– Дорогой учитель, от себя и от многих товарищей, ваших бывших учеников, явились мы поздравить вас с Новым годом и поблагодарить за все то хорошее, высокое и честное, что сделали вы для нас! Вы первый заронили в наши сердца любовь к знанию, свету и правде, вы первый научили нас любить и не забывать всех бедных и несчастных! Спасибо, великое спасибо вам, милый Николай Петрович, за все!..

– А ты, папочка, думал, что они забыли тебя... – прошеп-

тала над его ухом Катя.

Растроганный, взволнованный, Ланин плакал от радости. Он бросился в объятия своих бывших учеников и перещеловал их всех.

Радостно начался новый год для старого учителя.

Антон Павлович Чехов

Новогодние великомученики

На улицах картина ада в золотой раме. Если бы не праздничное выражение на лицах дворников и городских, то можно было бы подумать, что к столице подступает неприятель. Взад и вперед, с треском и шумом снуют парадные сани и кареты... На тротуарах, высунув языки и тараща глаза, бегут визитеры... Бегут они с таким азартом, что ухвати жена Пантефрия какого-нибудь бегущего коллежского регистратора за фалду, то у нее в руках осталась бы не одна только фалда, но весь чиновничий бок с печенками и с селезенками...

Вдруг слышится пронзительный полицейский свист. Что случилось? Дворники отрываются от своих позиций и бегут к свистку...

– Разойдитесь! Идите дальше! Нечего вам здесь глядеть! Мертвых людей никогда не видали, что ли? Нар-р-род...

У одного из подъездов на тротуаре лежит прилично одетый человек в бобровой шубе и новых резиновых калошах... Возле его мертвецки бледного, свежевыбритого лица валяются разбитые очки. Шуба на груди распахнулась, и собравшаяся толпа видит кусочек фрака и Станислава третьей сте-

пени. Грудь медленно и тяжело дышит, глаза закрыты...

– Господин! – толкает городской чиновника. – Господин, не велено тут лежать! Ваше благородие!

Но господин – ни гласа, ни воздыхания... Повозившись с ним минут пять и не приведя его в чувство, блюстители кладут его на извозчика и везут в приемный покой...

– Хорошие штаны! – говорит городской, помогая фельдшеру раздеть больного. – Должно, рублей шесть стоят. И жилетка ловкая... Ежели по штанам судить, то из благородных...

В приемном покое, полежав часа полтора и выпив целую склянку валерьяны, чиновник приходит в чувство... Узнают, что он титулярный советник Герасим Кузьмич Синклетеев.

– Что у вас болит? – спрашивает его полицейский врач.

– С Новым годом, с новым счастьем... – бормочет он, тупо глядя в потолок и тяжело дыша.

– И вас также... Но... что у вас болит? Отчего вы упали? Припомните-ка! Вы пили что-нибудь?

– Не... нет...

– Но отчего же вам дурно сделалось?

– Ошалел-с... Я... я визиты делал...

– Много, стало быть, визитов сделали?

– Не... нет, не много-с... От обедни пришедши... выпил я чаю и пошел к Николаю Михайлычу... Тут, конечно, расписался... Оттуда пошел на Офицерскую... к Качалкину... Тут тоже расписался... Еще помню, тут в передней меня сквоз-

няком продуло... От Качалкина на Выборгскую сходил, к Ивану Ивановичу... Расписался...

– Еще одного чиновника привезли! – докладывает городской.

– От Ивана Ивановича, – продолжает Синклетеев, – к купцу Хрымову рукой подать... Зашел поздравить... с семейством... Предлагают выпить для праздника... А как не выпить? Обидишь, коли не выпьешь... Ну, выпил рюмки три... колбасой закусил... Оттуда на Петербургскую сторону к Лиходееву... Хороший человек...

– И все пешком?

– Пешком-с... Расписался у Лиходеева... От него пошел к Пелагее Емельяновне... Тут завтракать посадили и кофею попотчевали. От кофею распарился, оно, должно быть, в голову и ударило... От Пелагеи Емельяновны пошел к Облеухову... Облеухова Василием звать, именинник... Не съешь именинного пирога – обидишь...

– Отставного военного и двух чиновников привезли! – докладывает городской...

– Съел кусок пирога, выпил рябиновой и пошел на Садовую к Изюмову... У Изюмова холодного пива выпил... в горло ударило... От Изюмова к Кошкину, потом к Карлу Карлычу... отсюда к дяде Петру Семенычу... Племянница Настя шоколатом попоила... Потом к Ляпкину зашел... Нет, вру, не к Ляпкину, а к Дарье Никодимовне... От нее уж к Ляпкину пошел... Ну-с, и везде хорошо себя чувствовал...

Потом у Иванова, Курдюкова и Шиллера был, у полковника Порошкова был, и там себя хорошо чувствовал... У купца Дунькина был... Пристал ко мне, чтоб я коньяк пил и сосиску с капустой ел... Выпил я рюмки три... пару сосисок съел – и тоже ничего... Только уж потом, когда от Рыжова выходил, почувствовал в голове... мерцание... Ослабел... Не знаю отчего...

– Вы утомились... Отдохните немного, и мы вас домой отправим...

– Нельзя мне домой... – стонет Синклетеев. – Нужно еще к зятю Кузьме Вавилычу сходить... к эскуперу, к Наталье Егоровне... У многих я еще не был...

– И не следует ходить.

– Нельзя... Как можно с Новым годом не поздравить? Нужно-с... Не сходи к Наталье Егоровне, так жить не захочешь... Уж вы меня отпустите, г. доктор, не невольте...

Синклетеев поднимается и тянется к одежде.

– Домой езжайте, если хотите, – говорит доктор, – но о визитах вам думать даже нельзя...

– Ничего-с, бог поможет... – вздыхает Синклетеев. – Я потихонечку пойду...

Чиновник медленно одевается, кутается в шубу и, пошатываясь, выходит на улицу.

– Еще пятерых чиновников привезли! – докладывает городской. – Куда прикажете положить?

Новогодняя повинность

*...лукавых простаков,
Старух злоеущих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.*
Грибоедов

Был новогодний полдень. Вдова бывшего черногубского вице-губернатора Лягавого-Грызлова, Людмила Семеновна, маленькая шестидесятилетняя старушка, сидела у себя в гостиной и принимала визитеров. Судя по количеству закусок и напитков, приготовленных в зале, число визитеров ожидалось громадное, но пока явился поздравить с Новым годом только один – старший советник губернского правления Окуркин, дряхлый человечек с лицом желто-лимонного цвета и с кривым ртом. Он сидел в углу около бочонка с олеандром и, осторожно нюхая табак, рассказывал «благодетельнице» городские новости.

– Вчера, матушка, с каланчи чуть было не свалился пьяный солдат, – рассказывал он. – Перевесился, знаете ли, через перилу, а перила – хрусь! Хрустнула, знаете ли... К счастью, в ту пору жена ему на каланчу обед принесла и за фалду удержала. Коли б не жена, свалился бы, шельмец... Ну-с... А третьего дня, матушка, ваше превосходительство, у контролера банка Перцева сборище было... Все чиноши собрались и насчет сегодняшних визитов рассуждали. В один

голос порешили, шуты этакие, не делать сегодня визитов.

– Ну, уж это ты, батюшка, завираешься, – усмехнулась старуха. – Как же это без визитов обойтись?

– Ей-богу-с, ваше превосходительство. Удивительно, но верно... Согласились все заместо визитов собраться сегодня в клубе, поздравить друг дружку и взнести по рублю в пользу бедных.

– Не понимаю... – пожала плечами хозяйка. – Диковинное что-то рассказываешь...

– Так, матушка, теперь во многих городах делается. Не ходят с поздравлениями. Дадут по рублю, и шабаш! Хе-хе-хе. Не нужно ни ездить, ни поздравлять, не нужно на извозчика тратиться... Сходил в клуб – и сиди себе дома.

– Оно и лучше, – вздохнула старуха. – Пусть не ездют. Нам же покойнее...

Окуркин испустил громкий, трескучий вздох, покачал головой и продолжал:

– За предрассудок почитают... Ленъ старшего почтить, с праздником его поздравить, вот и предрассудок. Нынче ведь старших за людей не считают... Не то, что прежде было.

– Что ж? – вздохнула еще раз хозяйка. – Пусть не ездют! Не хотят – и не нужно.

– Прежде, матушка, когда либерализмы этой не было, визиты не считались за предрассудок. Ездили с визитами не то что с принуждением, а с чувством, с удовольствием... Бывало, исходишь все дома, остановишься на тротуаре и ду-

маешь: «Кого бы это еще почитать?» Любили мы, матушка, старших... Страсть как любили! Помню, покойник Пантелей Степаныч, дай бог ему царство небесное, любил, чтоб мы почитательны были... Храни бог, бывало, ежели кто визита не сделает – скрежет зубовой! В одни Святки, помню, болен я был тифом! И что ж вы думаете, матушка? Встал с постели, собрал силы свои расслабленные и пошел к Пантелею Степанычу... Прихожу. От меня так и пышет, так и пышет! Хочу сказать «с Новым годом», а у меня выходит «флюст бей козырем!». Хе-хе... Бред-с... А то, помню, у Змеищева оспа была. Доктора, конечно, запретили ходить к нему, а нам нахвать на докторов: пошли к нему и поздравили. Не считали за предрассудок. Я выпью, матушка, ваше превосходительство...

– Выпей, выпей... Все одно никто не придет, некому пить... Чай, твои-то правленские придут.

Окуркин безнадежно махнул рукой и покривил рот в презрительную усмешку.

– Хамы... Все одним миром мазаны.

– То есть как же это, Ефим Ефимыч? – удивилась старуха. – И Верхушкин, стало быть, не придет?

– Не придет... В клубе-с...

– Ведь я же ему, разбойнику этакому, крестной матерью прихожусь! Я его к месту пристроила!

– Не чувствует-с... Вчера к Перцеву первым явился.

– Ну те так и быть уж... Забыли старуху – и пусть их, а

твоим правленским грех. А Ванька Трухин? Неужто и он не придет?

Окуркин безнадежно махнул рукой.

– И Подсилкин? Тоже? Ведь я же его, подлеца этакого, из грязи за уши вытянула! А Прорехин?

Старуха назвала еще десяток имен, и всякое имя вызывало на губах Окуркина горькую улыбку.

– Все, матушка! не чувствуют!

– Спасибо... – вздохнула Лягавая-Грызлова, нервно заходя по гостинной. – Спасибо... Ежели им опротивела благодетельница... старуха... ежели я такая скверная, противная, то пусть...

Старуха опустила в кресло. Морщинистые глазки ее замигали.

– Я вижу, что я уже больше не нужна им. И не надо... Уйди и ты, Ефим Ефимыч... Я не держу. Все уходите.

Хозяйка прижала к лицу платок и захныкала. Окуркин поглядел на нее, испуганно почесал затылок и робко подошел к ней...

– Матушка... – сказал он плачущим голосом. – Ваше превосходительство! Благодетельница!

– Уйди и ты... Ступай... Все ступайте...

– Матушка, ангельчик мой... Не плачьте-с... Голубушка! Я пошутил... Ей-богу, пошутил! Наплюйте мне в лицо, старой морде, если я не шутил... Все придут-с! Матушка!

Окуркин стал перед старухой на колени, взял ее жилистую

руку и ударил ею себя по лысине.

– Бейте, матушка, ангел мой! Не шути, образина! Не шути! По щеке! по щеке! Так тебе, брехуну окаянному!

– Нет, не шутил ты, Ефим Ефимыч! Чувствует мое сердце!

– Разразись... тресни подо мной земля! Чтоб мне дня не прожить, ежели... Вот увидите-с! А пока прощайте, матушка... Не достоин за свои злые шутки продолжать ласку вашу. Скроюсь... Уйду, а вы воображайте, что прогнали меня, махмета зловредного. Ручечку... поцелую...

Окуркин поцеловал взасос старухину руку и быстро вышел...

Через пять минут он был около клуба. Чиновники уже поздравили друг друга, внесли по рублю и выходили из клуба.

– Стойте! Вы! – замахал им руками Окуркин. – Что это вы вздумали, умники? Отчего не идете к Людмиле Семеновне?

– Нешто вы не знаете? Визитов мы нынче не делаем!..

– Знаю, знаю... Мерси вас... Ну вот что, цивилизованные... Ежели сейчас не пойдете к ведьме, то горе вам... Ревма ревет! Такое на вас молит, что и татарину не пожелаю.

Чиновники переглянулись и почесали затылки...

– Гм... Да ведь ежели к ней идти, так придется идти ко всем...

– Что ж делать, миленькие? И ко всем сходите... Не отвалятся ноги... Впрочем, по мне как знаете, хоть и не ходите... Только вам же хуже будет!

– Черт знает что! Ведь мы уж и по рублю заплатили! – простонал Яшкин, учитель уездного училища...

– Рубль... А место еще не потерял?

Чиновники еще раз почесались и, ропща, направились к дому Лягавой-Грызловой.

Саша Черный

Рождественский ангел

– Подайте, Христа ради, милостыньку! Милостыньку, Христа ради!..

Никто не слышал этих жалобных слов, никто не обращал внимания на слезы, звучавшие в словах бедно одетой женщины, одиноко стоявшей на углу большой и оживленной городской улицы.

– Подайте милостыньку!..

Прохожие торопливо шагали мимо нее, с шумом неслись экипажи по снежной дороге. Кругом слышался смех, оживленный говор...

На землю спускалась святая, великая ночь под Рождество Христово. Она сияла звездами, окутывала город таинственной мглой.

– Милостыньку... не себе, деткам моим прошу...

Голос женщины вдруг оборвался, и она тихо заплакала. Дрожа под своими лохмотьями, она вытирала слезы окочевшими пальцами, но они снова лились по ее исхудалым щекам. Никому не было до нее дела...

Да она и сама не думала о себе, о том, что совсем замерзла, что с утра не ела ни крошки... Вся мысль ее принадлежала

детям, сердце болело за них...

Сидят они, бедные, там, в холодной темной конуре, голодные, иззябшие... и ждут ее... Что она принесет или что скажет? Завтра великий праздник, всем детям веселье, только ее бедные детки голодны и несчастны.

Что делать ей? Что делать? Все последнее время она работала, как могла, надрывала последние силы...

Потом слегла и потеряла последнюю работу...

Подошел праздник, ей негде взять куска хлеба...

О, детки, бедные детки! Ради них она решилась в первый раз в жизни просить милостыню... Рука не поднималась, язык не поворачивался... Но мысль, что дети ее есть хотят, что они встретят праздник – голодные, несчастные, эта мысль мучила ее, как пытка. Она готова была на все. И за несколько часов ей удалось набрать несколько копеек... Несчастные дети! У других детей – елка, они – веселы, довольны в этот великий праздник, только ее дети...

«Милостыньку, добрые люди, подайте! Подайте, Христа – ради!»

И словно в ответ на ее отчаяние, неподалеку раздался благовест... ко всенощной. Да, надо пойти, помолиться... Быть может, молитва облегчит ее душу... Она помолится усердно о них, о детях... Неверными шагами доплелась она до церкви...

Храм освещен, залит огнями... Всюду масса людей... веселые довольные лица. Притаившись в уголке, она упала на

колени и замерла... Вся безграничная материнская любовь, вся ее скорбь о детях вылилась в горячей молитве, в глухих скорбных рыданиях. «Господи, помоги! Помоги!» – плачет она. И кому, как не Господу Покровителю и Защитнику слабых и несчастных, вылить ей все свое горе, всю душевную боль свою? Тихо молилась она в уголке, и слезы градом лились по бедному лицу.

Она не заметила, как кончилась всенощная, не видела, как к ней подошел кто-то...

– О чем вы плачете? – раздался за ней нежный голос, показавшийся ей небесной музыкой.

Она очнулась, подняла глаза и увидела перед собой маленькую, богато одетую девочку. На нее глядели с милым участием ясные детские глазки. Сзади девочки стояла старушка-няня.

– У вас есть горе? Да? Бедная вы, бедная! – Эти слова, сказанные нежным детским голосом, глубоко тронули ее.

Горе! Детки у меня голодны, с утра не ели... Завтра праздник такой... великий...

– Не ели? Голодны? – На лице девочки выразился ужас.

– Няня, что же это! Дети не ели ничего! И завтра будут голодны! Нянечка! Как же это?

Маленькая детская ручка скользнула в муфту.

– Вот, возьмите, тут есть деньги... сколько, я не знаю... покормите детей... ради Бога... Ах, няня, это ужасно! Они ничего не ели! Разве это можно, няня!

На глазах девочки навернулись крупные слезы.

– Что ж, Маничка, делать! Бедность у них! И сидят, бедные, в голоде да в холоде. Ждут, не поможет ли им Господь!

– Ах, няничка, мне жаль их! Где вы живете, сколько у вас детей?

– Муж умер – с полгода будет... Трое ребят на руках осталось. Работать не могла, хворала все время... Вот и пришлось с рукой по миру идти... Живем мы недалеко... вот тут... в подвале, на углу, в большом каменном доме купца Осипова...

– Няня, почти рядом с нами, а я и не знала!.. Пойдем скорее, теперь я знаю, что надо делать!

Девочка быстро вышла из церкви в сопровождении старухи.

Бедная женщина машинально пошла за ними. В кошельке, который был у нее в руках, лежала пятирублевая бумажка. Забыв все, кроме того, что она может теперь согреть и накормить дорогих ребяток, она зашла в лавку, купила провизии, хлеба, чаю, сахару и побежала домой. Щеп осталось еще довольно, печку истопить ими хватит.

Она бежала домой из всех сил.

Вот и темная конурка. Три детских фигурки бросились к ней навстречу.

– Маминька! Есть хочется! Принесла ли ты! Родная!

Она обняла их всех троих и облила слезами.

– Послал Господь! Надя, затопи печку, Петюша, ставь са-

мовар! Погреемся, поедим, ради великого праздника!

В конурке, сырой и мрачной, наступил праздник. Дети были веселы, согрелись и болтали. Мать радовалась их оживлению, их болтовне. Только изредка приходила в голову печальная мысль... что же дальше? Что дальше будет?

– Ну, Господь не оставит! – говорила она себе, возлагая всю надежду на Бога.

Маленькая Надя тихо подошла к матери, прижалась к ней и заговорила.

– Скажи, мама, правда, что в рождественскую ночь с неба слетает рождественский ангел и приносит подарки бедным детям? Скажи, мама!

Мальчики тоже подошли к матери. И, желая утешить детей, она начала им рассказывать, что Господь заботится о бедных детях и посылает им Своего ангела в великую рождественскую ночь, и этот ангел приносит им подарки и гостинцы!

– И елку, мама?

– И елку, детки, хорошую, блестящую елку! В дверь подвала кто-то стукнул. Дети бросились отворить. Показался мужик с маленькой зеленой елкой в руках. За ним хорошенькая белокурая девочка с корзиной, в сопровождении няни, несшей за ней разные свертки и пакеты.

Дети робко прижались к матери.

– Это ангел, мама, это ангел? – тихо шептали они, благоговейно смотря на хорошенькую нарядную девочку.

Елка давно стояла уже на полу. Старуха-няня развязала пакеты, вытащила из них вкусные булочки, кренделя, сыр, масло, яйца, убирала елку свечами и гостинцами. Дети все еще не могли прийти в себя. Они любовались на «ангела». И молчали, не двигаясь с места.

– Вот вам, встречайте весело Рождество! – прозвучал детский голосок. С праздником!

Девочка поставила на стол корзину и исчезла, прежде чем дети и мать опомнились и пришли в себя.

«Рождественский ангел» прилетел, принес детям елку, гостинцы, радость и исчез, как лучезарное виденье...

Дома Маню ждала мама, горячо обняла ее и прижала к себе.

– Добрая моя девочка! – говорила она, целуя счастливое личико дочери. Ты отказалась сама от елки, от гостинцев и все отдала бедным детям! Золотое у тебя сердечко! Бог наградит тебя...

Маня осталась без елки и подарков, но вся сияла счастьем. С своим милым личиком, золотистыми волосами она в самом деле походила на «рождественского ангела».

Александр Федоров-Давыдов

Хаврошина елка. Святочный рассказ

1

На самом краю деревни Деурина стояла избенка солдатской вдовы Арины Паниной. Незадолго до Рождества, этак дней за пять, приехала к Арине из Питера старшая сестра Варвара, с которой она лет десять не видалась.

Обрадовалась сестре Арина, расцеловались сестры, и пошли у них разговоры без конца.

Служила Варвара десять лет в няньках у богатых господ; а как барчата их подросли, она и отошла от места. Жила Варвара у господ, как сыр в масле каталась: еда хорошая, на праздники подарки дарят: либо шубенку, либо платье, либо деньгами. Всего было!.. Вон два сундука всяким добром набиты, да триста рублей у нее на хранении лежат... Вот поживет тетка Варвара у сестрицы, в монастырь деньги внесет, и дадут ей келейку, чтобы дожить ей тихо, мирно и беспечно...

И видит Арина – сидит перед ней Варвара барыня бары-

ней: платье шерстяное, шубка на лисьем меху, платок ковровый на плечи накинут; лицо у нее белое, полное, руки холёные. А посмотрела Арина вокруг себя – и сердце у нее от боли заныло: всюду-то беднота, нужда горькая да голод!..

2

А вечером, после ужина, и стала тетка Варвара про житье-бытье городское рассказывать. Чисто мед с молоком слова у нее текли. Хавроша, дочь Арины, и про сон забыла – навострила уши, слово боится пропустить...

Арина слушала молча, и все ее досада да зависть разбирали. Уж больно им-то с Хаврошей тяжело жилось! И одеться не во что, и иной раз хлеба перекусить не приходится...

– Вот, – рассказывала тетка Варвара, – сейчас Рождество наступает. И пойдет по всему городу веселье, пляс – сердце радуется. А для ребят елки там устраивают!..

И пошла Варвара рассказывать, как купят господ елку, обрядят ее конфетками, пряниками, игрушками разными, яблоками да орехами – и детям ее подарят. А дети свечи на ней зажгут и давай вокруг елки плясать да сласти рвать.

Словно зачарованная слушала Хавроша тетку Варвару. А Арина и говорит:

– То-то деньги у господ без глаз: куда не швыряют!

Тетка Варвара даже обиделась за господ:

– Что ж, сестрица, – не всем же по-свински жить, вроде

вас!.. Тоже и себя, и детей потешить охота!.. А что деньги зря бросают, это точно... Вон намедни елку пошли покупать – приступу к елкам нет: либо три рубля, либо пять, а то и десять рублей отдают... Вот что!..

– Десять целковых?.. – Арину даже в жар бросило. – На десять-то целковых мы бы полгода беспечально жить могли.

Хавроша так и заснула в радужных мечтах. А наутро Арина и сказала Хавроше:

– Сходи, доченька, на село, к учительше Клавдии Васильевне: поклонись от меня, скажи, разнедужилась-де я во все, не даст ли мучки с четвертку, да масла, да полтинник – праздник встретить. Скажи, у сестры просила – и слышать не хочет: какие, говорит, у меня деньги?.. Да ты, Хавроша, у учительши и переночуй, а ночью не ходи...

Живо собралась Хавроша: материнскую кацавейку¹ надела, платком обмоталась, валенки обула. Потом под лавку сунулась и отцовский топор разыскала... Заткнула его за платок назад и пошла в путь-дорогу... Хавроша-то себе на уме... Недаром она с вечера теткины рассказы слушала...

3

Лютый мороз трещит на дворе. Солнышко, все окутанное мглой, стоит на небе красное, словно сердится на кого!..

¹ Кацавейка – верхняя распахная одежда, утепленная ватой или мехом. – Прим. ред.

Идет Хавроша – скорым-скоро; «хруп-хруп» – похрупывает мерзлый снег под валенками, а думы Хаврошины так сами на крыльях ее и несут. Вышла за околицу, спустилась к реке тихо-тихо, кругом мертво...

Беги, Хавроша, беги, касатка, не то смерзнешь, такая-сякая!.. Студено!.. Руки-то коченеют, под кацавейку мороз набирается, и нос вишенкой горит. Вошла Хавроша в лес, устала, запыхалась. Да слава Богу, вон, в стороне стоит елочка, какую ей надо: кудреваستنенькая, высоконькая, аккуратная такая!.. Достала Хавроша топор и полезла по сугробам к елочке. Ноги вязнут в снегу: не то что по пояс, а по горло Хавроша в сугроб ушла. Да ничего, выкарабкалась!..

Ох, только уж вот этот мороз!.. Скрючил он пальцы у Хавроши – не разогнешь; топор не удержишь в руках, а не то что рубить... Стала Хавроша на пальцы дуть, да мороз дух захватывает, все в ней стынет!.. Даже заплакала Хавроша.

Чу!.. Скрипят полозья, лошадь фыркает!.. Никак, едет кто!..

Ободрилась Хавроша, оглянулась и видит, что, точно, кто-то едет, да, никак, свой...

– Дядя Андрей!.. Андре-ей!..

На дороге за елями остановились розвальни, и вся лохматая, словно обсахаренная, лошаденка дымилась от пара... Бородатый рыжий мужик сошел с саней и оглянулся...

– Хаврошка?.. Да как ты сюда попала?..

– Да я за елкой!.. А ты в город?..

– В город и есть!..

– Сруби, дядя Андрей, елку-то... В город свезем. Ишь, тетка сказывала, господам они нужны... Деньги платят...

Мужик почесал затылок и сказал:

– А что, братец ты мой, и то!.. И тебе срублю, и себе пяток возьму... Продадим и то... Ступай, ложись в сани-то, прикройся веретьем, а я, дай срок, нарублю...

Нарубили елок, навязали и поехали.

– А что, братец ты мой, – сказал Андрей, – кабы не случай, смерзла бы в лесу ни за грош! либо заяц бы тебя залягал!.. Ишь, востроносая, что удумала!..

4

Шумно,людно на базаре. Скоро Святки!.. Живо раскупили у дяди Андрея целый воз елок. Осталась только Хаврошина елка. Жаль Хавроше елку продавать. А дядя Андрей ворчит:

– Что ж мне с тобой до ночи на морозе-то мерзнуть?.. Продай, что ли, пора...

В это время мимо проходила какая-то барыня с девочкой.

– Что стоит елка?.. – спросила барыня.

– Три рубля, – пролепетала Хавроша.

– Да ты с ума сошла! – вскрикнула барыня. – Вся-то ей цена двадцать пять копеек.

Дяде Андрею даже обидно стало.

– Э-эх, барыня!.. – сказал он горько. – Оно точно, – елка ничего не стоит, – да девчонка-то вся смерзла, на морозе-то стоя; а дома-то у нее мать больна, и праздник нонче!.. Барыня быстро достала три рубля и сунула их Хавроше...

Вечер. Тускло чадит лампочка в Ариной избенке.

Тетка Варвара сидит за столом и ужинает. Арина, еще слабая от болезни, встала и прибирает посуду.

– Сердце-то не на месте, – говорит она, – и где это Хавроша запропала!..

В это время под окнами с надворья завизжали полозья; послышались глухие голоса... Собака залаяла. Кто-то стукнул в окно, и Варвара, кряхтя и ворча, пошла отпирать ворота... Дверь с визгом распахнулась, клуб пара вырвался из избы...

– Хавроша!..

– Вот тебе пропащая твоя!.. – проворчала тетка Варвара, вешая шубу на гвоздь... – Ишь, в городе побывала... ну и шустрая же!.. Ты послушай, чудес-то каких она натворила!..

На другой день был сочельник. В деревне все знали, что наделала Хаврошка, и об этом только и говору было.

А в сумерки тетка Варвара, весь день сидевшая у окна туча тучей, окликнула сестру и сказала ей:

– Слышь ты, сестра... Одолела, значит, меня Хаврошка твоя... Вот что!.. Да... Хотела я в монастырь пристроиться; ну так что вижу, Господь мне указал, чтобы вас, значит, не покидать... Да... Ну и останусь я жить у вас, и там что насчет

денег, все это можно. А только ты-то уж меня при старости корми, пои!.. Одолела меня девчонка твоя!.. И шустрая же, сейчас помереть...

Арина чуть не до земли поклонилась сестре и только всего и сказала:

– Благослови тебя Бог, сестрица... Вместе и жить станем, вместе и к Господу Богу пойдем!..

Владимир Федорович Одоевский

Новый год (Из записок ленивца)

«Если записывать каждый день своей жизни, то чья жизнь не будет любопытна?» – сказал кто-то.

На это я мог бы очень смело отвечать: «Моя». Что может быть любопытного в жизни человека, который на сем свете ровно ничего не делал!

Я чувствовал, я страдал, я думал за других, о других и для других. Пишу свои записки, перечитываю и не нахожу в них только одного: самого себя. Такое самоотвержение с моей стороны должно расположить читателей в мою пользу: увидим, ошибся ли я в своем расчете, вот несколько дней не моей жизни; если они вам не слишком наскучат, то расскажу и про другие.

Действие I

– Вина! вина! наливай скорее; уже без пяти минут двенадцать.

– Неправда, еще целых полчаса осталось до Нового года... – отвечал Вячеслав, показывая с гордостью на свои де-

ревянные часы с розанами на циферблате и чугунными ги-
рями.

– Это по твоим часам: они всегда целым часом отстают!..

– Зато они иногда двумя часами бегут вперед; оно на то
же и наведет, – заметил записной насмешник.

– Неправда, они очень верны, – возразил Вячеслав с до-
садою, – я их каждый день поверяю по городским...

– Сколько ему гордости придают его часы! – продолжал
насмешник. – Купил у носящего за целковый, повесил на
стену, смотрите, точно гостиная...

– Неправда, они куплены у часовщика, и за них заплачено
двадцать пять рублей...

– Объявляю вам, господа, что от этой славной покупки у
нас будет двумя бутылками меньше...

Так мы кричали, шумели, спорили и болтали всякий
вздор накануне Нового года в маленькой комнатке Вячесла-
ва в третьем этаже. Нас было человек двенадцать – все мы
только что вышли из университета. Вячеслав был немногим
богаче всех нас, но как-то щеголеватее и к тому же боль-
шой мастер устраивать в своей комнате и хозяйничать: на-
пример, у Вячеслава сверх табака водились всегда сыр и так
называемое вино из ренского погреба²; в комнате, вместо
классической железной кровати студента с байковым одея-

² Ренский погреб – магазин, торгующий виноградными винами; ренское –
всемирно известное вино, выделяемое из винограда, выращиваемого на сред-
нем течении Рейна.

лом, стоял диван, обтянутый полосатую холстинкою; на этом диване лежали кожаные подушки, с которых на день снимались наволочки; возле дивана был растянут сплетенный из покровок ковер, отчего диван получал вид роскошного оттомана³; книги лежали не на полу, по общему обыкновению, но на доске, прибитой к стене под коленкоровой занавеской; не только был стол для письма, но и еще другой стол особенно, хотя и без ящика; над единственным окошком висел кусок полотна; даже были вольтеровские кресла; наконец, знаменитые часы гордо размахивали маятником и довершали убранство комнаты.

Такое пышное устройство возбуждало всеобщую зависть и всеобщее удивление и с тем вместе было причиною, почему квартира Вячеслава была всегда местом наших собраний. Так было и сегодня. За месяц еще Вячеславпреважно пригласил нас встретить у него Новый год, обещая даже сделать жженку⁴. Разумеется, отказа не было. Мы знали, что он уже давно хлопочет о приготовлениях, что заказан пирог и что, сверх обыкновенного его так называемого вина, будет по крайней мере три бутылки шампанского!

После смеха и шума к двенадцати часам все пришло в порядок.

Как мы все уселись на трех квадратных саженьях, я те-

³ Оттоман – широкий диван без спинки. – Прим. ред.

⁴ Жженка – разновидность пунша, состоящая из алкоголя, фруктов и жженого сахара. – Прим. ред.

перь уже не понимаю, только всем было место: кому на диване, кому на окошке, кому на столе, кому на полке; на одних вольтеровских креслах сидели, мне кажется, три человека! Вот на столе уже уставлены огромный пирог, огромный сыр, бутылки и, разумеется, череп – для того, чтоб наше пиршество больше приближалось к лукуллову⁵. Двенадцать трубок закурились в торжественном молчании: но едва деревянные часы продребезжали полночь, мы чокнулись стаканами и прокричали «ура» Новому году. Правда, шампанское было немножко тепло, а горячий пирог был немножко холоден, но этого никто не заметил.

Беседа была веселая. Мы только что вырвались из школьного заточения, мы только что вступали в свет: широкая дорога открывалась перед нами – простор молодому воображению. Сколько планов, сколько мечтаний, сколько самонадеянности и – сколько благородства! Счастливое время! Где ты?..

К тому же мы были люди важные: мы уже имели наслаждение видеть себя в печати – наслаждение, в первый раз неизъяснимое! Уже мы принадлежали к литературной партии и защищали одного добросовестного журналиста против его соперников и ужасно горячились. Правда, за то нам и доставалось. Сначала раздаватели литературной славы приняли бы-

⁵ Лукулл Луций Лициний (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец, богатый человек, оставил по себе память как устроитель отличавшихся необычайной роскошью пиров.

ло новых авторов с отеческим покровительством: но мы в порыве беспристрастия, в ответ на нежности, задели всех этих господ без милосердия. Такая неблагодарность с нашей стороны чрезвычайно их рассердила. В эту позорную эпоху нашей критики литературная брань выходила из границ всякой благопристойности: литература в критических статьях была делом совершенно посторонним: они были просто ругательство, площадная битва площадных шуток, двусмысленностей, самой злонамеренной клеветы и обидных применений, которые часто простирались даже до домашних обстоятельств сочинителя; разумеется, в этой бесславной битве выигрывали только те, которым нечего было терять в отношении к честному имени. Я и мои товарищи были в совершенном заблуждении: мы воображали себя на тонких философских диспутах портика или академии, или по крайней мере в гостиной; в самом же деле мы были в райке: вокруг пахнут салом и дегтем, говорят о ценах на севрюгу, бранятся, поглаживают нечистую бороду и засучивают рукава, — а мы выдумываем вежливые насмешки, остроумные намеки, диалектические тонкости, ищем в Гомере или Виргилии самую жестокую эпиграмму против врагов наших, боимся расшевелить их деликатность... Легко было угадать следствие такого неравного боя. Никто не брал труда справляться с Гомером, чтобы постигнуть всю едкость наших эпиграмм: насмешки наших противников в тысячу раз сильнее действовали на толпу читателей и потому, что были грубее, и пото-

му, что менее касались литературы.

К счастью, это скорбное время прошло. Если бы остаткам героев того века и хотелось возобновить эту выгодную для них битву – такое предприятие едва ли увенчается успехом; общее презрение мало-помалу налегло на достойных презрения – и им уже не приподняться! Но тогда – тогда другое дело. Многие из нас были задеты этими господами со всею лакейскою грубостью; насмешники были против нас, и, стыдно признаться, глупые шутки наших критиков звенели у нас в ушах; мы чувствовали всю справедливость нашего дела – и тем досаднее была нам несправедливость общего голоса. В зрелых летах человек привыкает к людской несправедливости, находит ее делом обыкновенным, часто горьким, чаще смешным; но в юности, когда так хочется верить всему высокому и прекрасному, несправедливость людей поражает сильно и наводит на душу невыразимое уныние. Этому состоянию духа должно приписать тот байронизм, в котором, может быть, уже слишком упрекают молодых людей и в котором бывает часто виновата лишь доброта и возвышенность их сердца. Люди бездушные никогда и ни о чем не тоскуют.

Как бы то ни было, эти нападки бесславных врагов, их торжество в общем мнении сближали товарищей в нашем маленьком кругу; здесь мы отдыхали; каждый знал труды другого; каждый по себе ценил усилия товарища; общая несправедливость была нам даже полезна: мы с большею бодростию поощряли друг друга к новым трудам и с каждым днем ста-

новились более строги к самим себе.

Наша беседа перед Новым годом была полна этой пламенной, этой живой, юношеской жизни. Сколько прекрасных надежд! Сколько планов, перемешанных с тонкими аттическими эпиграммами⁶ против наших гонителей!.. Вячеслав был душою нашего общества: он нам преважно доказал, что Новый год непременно должно начать чем-нибудь дельным, сам в качестве поэта схватил лист бумаги и стал импровизировать стихи, а нам предложил каждому выбрать себе какую-нибудь дельную, важную работу, которой надлежало предаться в течение года. Предложение было принято с восторгом – и в этот день мы погрозились читателям несколькими системами философии, несколькими курсами математики, несколькими романами и несколькими словарями. От близкой работы мы перешли к отдаленной: все отрасли деятельности были разобраны – кто обещался возвысить наукою воинственное имя своих предков; кто перенести в наш мир промышленности все знания Европы; кто на царской службе принести в жертву жизнь на поле брани или в тяжких трудах гражданских. Мы верили себе и другим, ибо мысли наши были чисты и сердце не знало расчетов. Между тем Вячеслав окончил свои стихи, в которых намекал о трудах, заказанных нами самим себе. Нет нужды сказывать, что мы про-

⁶ Аттические эпиграммы – особенно тонкие и остроумные эпиграммы; происходит от названия древнегреческого государства Аттика, славившегося своей богатой и тонкой культурой.

возгласили его истинным поэтом и убедительно ему доказывали, что его предназначение в этой жизни – развивать идею поэзии; долго потом, встречаясь, мы вместо обыкновенного «здравствуй» приветствовали друг друга стихами нашего поэта: они навели светлый радужный отблеск на все наши мысли и чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.